

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.1-49-62

УДК 316.7(47+57)

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Лопатина Наталия Леонидовна,

кандидат культурологии, доцент,

доцент кафедры истории

Кемеровского государственного медицинского университета,

Россия, 650029, Кемерово, ул. Ворошилова, 22а

ORCID: 0000-0003-0485-1876

lopatinl@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается роль религии в традиционном обществе и, в частности, в российском. Религия представлена как основополагающее культурное явление, определяющее основы нравственности и ценностей общества. Эксплицируется причина антирелигиозной борьбы в советском обществе как цель культурной революции, задачей которой было формирование интернациональной культуры и нового человека с новыми ценностными установками и атеистическим миропониманием. На основе свидетельств очевидцев автор показывает основные мероприятия советской власти по формированию атеистического общества. В статье особый упор делается на антирелигиозную работу в деревне, так как из среды крестьян вышли все слои советского общества (рабочие, служащие и интеллигенция). В исследовании приводятся свидетельства очевидцев антирелигиозной борьбы времен коллективизации. Их суждения легли в основу выводов автора, который заключает в том, что власть достигла целей культурной революции. За одно-два поколения в советской России было сформировано атеистическое общество. Глубоким социокультурным трансформациям подвергся даже традиционно религиозный крестьянский социум. Причинами тому были политика репрессий, атеистическое воспитание молодого поколения, формирование негативного отношения к старшему поколению как архаическому и темному. Атеизм привел к трансформации ментальных и ценностных установок в советском обществе.

Ключевые слова: культурная революция, религия, атеизм, ценности, ментальные установки, репрессии, страх.

Библиографическое описание для цитирования:

Лопатина Н.А. Социокультурная трансформация религиозных ценностей в СССР в первой половине XX в. // Идеи и идеалы. – 2018. – № 4, т. 1. – С. 49–62. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-4.1-49-62.

Религия в жизни традиционного общества является частью культуры и одновременно социокультурным основанием ментальных и ценностных установок. Философ И. Ильин писал, что религия представляет основу любого народа, и для понимания сущности и своеобразия какого-нибудь народа следует заглянуть в сферу его религии и веры... [9, с. 468]. Православие имело важнейшее значение для наших предков. Исследователь А. Горянин подчеркивает особо трепетное отношение россиян к религии и считает, что не случайно Россию называли «Святая Русь», а не «добрая старая», как Англия; не «прекрасная», как Франция; не «сладостная», как Италия [6, с. 79]. Классики российской истории признавали значение религии для наших предков и описывали богатую религиозную и духовную жизнь россиян. Иностранцы, побывавшие в разные эпохи в России [10], писали о религиозности и духовности нашего народа. Значение религии понимали и большевистские лидеры. Так, А.В. Луначарский и А.А. Богданов даже предлагали придать коммунистическим идеям форму религии, чтобы они стали понятны народу.

Почти весь быт досоветского крестьянина был погружен в религиозную культуру, наполнен религиозными условностями. Нормой считалось перед значимым событием (посев, уборка урожая, строительство, поездка и т. п.) побывать на молебне, попросить у священника благословение, помолиться. Молились перед принятием пищи и после. Этнограф А.В. Терещенко писал в XIX в., что издавна на Руси вставали до восхода солнца, молились тотчас Богу, спрашивали Его святой помощи на все добрые дела; не помолясь, ничего не предпринимали. Воины не шли воевать, не отслужив молебна. За стол никто не садился и не вставал из-за него, не осеняв себя крестом. Эти свойства благочестия остались, по признанию этнографа, и в XIX в. [20, с. 94–96]. А.Н. Энгельгардт писал, что крестьянин не знает «законов», он уважает только божий закон [27, с. 109]. О нравственном начале религии писал немецкий мыслитель XX в. В. Райх: «Религия... требует самоограничения, жертвенности, отречения от своих желаний. Она вселяет в человека чувство ответственности, вины, вечности и рассудительность. Она препятствует необузданному удовлетворению человеческих стремлений» [18, с. 152].

Воспитательную функцию религии признавали многие видные деятели России. Так, например, Л. Толстой считал: «чтобы исправить зло, надо не менять людей, не изменять устройство, не нарушать насилие, не отговаривать людей от участия в насилии... а только воспитывать детей в истинной религии» [21, с. 136]. Философ И. Ильин писал, что «человек, в коем Бога нет, превратит всю жизнь в тайное и явное преступление» [8, с. 39]. Он считал, что православный русский верит в свободную волю и в свободную совесть. И то и другое для него – краеугольные камни христиан-

ского мировоззрения [9, с. 428]. Президент Академии Российской времен Николая I, адмирал А.С. Шишков писал: «Человек без веры есть корабль без компаса. Страсть кидает его, как буря; и даже когда буря пройдет, он не может войти в пристанище: остается погибать» [19, с. 93]. Однако среди мыслителей XIX в. существовало и другое понимание веры, которое сформировало революционное сознание. Так, М.А. Бакунин считал религию источником рабства и подавления [4], а П.А. Лавров писал, что религия – это система догматов [11].

В современной России мы наблюдаем совсем другую, отличающуюся от традиционной религиозную культуру. И причинами тому являются не эволюционные, а революционные процессы. Общеизвестно, что мнение Маркса относительно религии явилось базой для отношения к религии советской власти и революционных преобразований в этой области. Маркс писал: «Религия – это воздух угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа» [16, с. 1–2].

Понимание трансформации религиозных ценностей в XX в., возможно, даст основание для осмысления современных социокультурных процессов в обществе и для борьбы с негативными социальными тенденциями.

Советская власть провозгласила культурную революцию как необходимое условие для построения социализма. Идеолог культурной революции Ленин поставил задачу – формирование нового человека на основе новых социокультурных ценностей. Для этого требовалось истребить «пережитки прошлого», в том числе религию, и утвердить революционную и интернациональную культуру. Особое внимание Ленин уделял деревне, считая крестьян консервативными и закостенелыми в традициях членами общества.

О том, как развивалась антирелигиозная работа в деревне, свидетельствуют очевидцы, опрос которых был проведен в 1990-е – нач. 2000-х гг. На основе этих свидетельств в статье анализируются основные мероприятия советской власти по формированию атеистического общества. В рамках исследования были опрошены 149 бывших колхозников 1903–1934 годов рождения из разных социальных слоев деревни, в основном жители Кемеровской и отчасти Новосибирской областей и Алтайского края (по современному территориальному делению), а также бывшие жители Украины, Белоруссии и др. По результатам исследования были опубликованы монографии [13–15].

Высказывания респондентов свидетельствуют о противоречии между религиозным сознанием крестьян и атеистической политикой власти. *«В Бога мы все верили! Молились. С верой в Бога жили и наши родители, и их ро-*

дители жили. Но Бог чем-то помешал советской власти. Заставили от него отказаться» [14, с. 121]. «У глубоко верующего населения вдруг насильно отобрали веру» [Там же, с. 64]. Они вспоминали, что до коллективизации люди с удовольствием ходили в церковь, справляли религиозные праздники, соблюдали посты. По рассказам респондентов видно, что религия для них была связана с праздниками, с самоограничением (посты), нравственными устоями и душевным удовлетворением. «Раньше в деревне была церковь. В нее люди постоянно ходили. Бывало, придешь в церковь, а на душе легче становится» [Там же, с. 33]. «В церковь люди ходили охотно. Там у них наступало успокоение, забывалось всё плохое» [Там же, с. 106]. Религия в сознании крестьян являлась носителем нравственных и традиционных устоев, регулятором поведения. «У верующих совесть была. Верующий тебя словом плохим не назовет, матом не заругается» [Там же, с. 209]; «После коллективизации¹ стали учить, что Бога нет, вот люди и стали творить что хотели» [Там же, с. 294].

Респонденты, которые помнили дореволюционную или доколхозную религиозную жизнь, говорили, что в церковь ходили как на праздник каждое воскресенье. Отношение к священнику было очень уважительным: «с ним всегда раскланивались», относились «как к Богу». «Священника и учителя считали самыми образованными людьми, относились с уважением» [Там же, с. 113]. «Каждое воскресенье мы с мамой ходили в церковь. Каждое воскресенье ходили молиться. Дружно ходили, все нарядно одевались. К священнику относились уважительно» [Там же, с. 252].

Традиционно в России слово священника было очень авторитетным для прихожан. Власть, желая пресечь «тлетворное» влияние священнослужителей на людей, репрессировала священников. Их дома становились колхозными, в них часто устраивали школы. Колхозники, видимо, из-за протеста действиям власти против священников в эти школы детей не отпускали. «Церковь ломали, а в поповском доме школу сделали. В эту школу детей родители не отпускали» [Там же, с. 80].

Все респонденты указали на то, что в советское время религия была под запретом, церкви закрывали, особенно в 1930-е гг. «Это уже после революции все церкви разорили» [Там же, с. 60]. Очевидцы рассказывали, что если строение церкви не разрушали, то в них устраивали склады, зернохранилища и т. п. Об этом же писал советский писатель В. Астафьев в автобиографической повести «Последний поклон». Он вспоминал, как в их разоренной церкви «валяется всякий хлам, мусор, на стенах углем написана матерщина» [2, с. 683].

Причину пропаганды атеизма респонденты объясняли по-разному. «Бог чем-то помешал власти»; «церковь была несовместима с идеологией советской власти» [14, с. 337], «власть нам запрещала кому-то верить. Верить мы должны

¹ То есть после организации колхозов.

были только ей» [Там же, с. 209]. *«Потом церкви позакрывали. Почему? Да чтобы шли все в партию, а не в церковь, чтоб коммунистами все становились. Внушали, что религия обманывает людей, Бога нет!»* [Там же, с. 252].

Таким образом, респонденты уловили самую суть нападок власти на религию – религия противоречит коммунистической идеологии. В. Райх утверждал, что самые ярые нападки культурного большевизма направлены против религии: «Ибо до тех пор, пока будет жива религия, она будет служить самым могучим оплотом борьбы с культурным большевизмом...» [18, с. 152]. О концептуальной несовместимости религии и коммунизма писал теоретик партии Н. Бухарин [5, с. 184–185]. Архиепископ Лука (канонизированный в 1990-е гг.) видел явные противоречия религии и коммунизма. Он считал, что нельзя совместить христианское мировоззрение с экономическим материализмом Маркса, как нельзя совместить воду с огнем [12, с. 107]. На допросе он сказал, что учение Иисуса Христа и учение Карла Маркса – это два полюса, они совершенно несовместимы, и потому Христову правду пожирает тот, кто, прислушиваясь к советской власти, авторитетом Церкви Христовой освящает и покрывает все ее деяния [Там же, с. 126].

Из-за противоречия религиозных постулатов и идеологии коммунизма, а также невозможности сосуществования двух вер (православия и коммунизма) в годы советской власти начались гонения на религию, церковь, священников. Респонденты четко дали объяснение этим действиям власти: *«Церкви же закрывались, потому что власть видела в них непосредственную себе угрозу. Ведь при социализме не должно быть другой веры, кроме как в партию и светлое социалистическое будущее. Да и сами священники восставали против советской власти»* [14, с. 64].

Специальное исследование показало, что люди, боясь за жизнь свою и близких, соблюдали запреты партии на религию. Они не только боялись говорить о Боге, ходить в церковь, но и держать открыто в доме предметы культа и носить нательные крестики. Верующие люди прятали крестик, зашивая его в одежду, в ляжки белья. Взрослое население боялось вести религиозные разговоры при детях, чтобы те случайно не проговорились и не подвергли тем самым опасности репрессий взрослых, а также, понимая опасность религиозного мировоззрения при советской власти, чтобы уберечь своих детей [7, с. 319]. Респонденты рассказывали, что из-за антирелигиозной борьбы родители тайно молились дома, держали иконы, но детей, как правило, не приучали молиться: *«Нам даже в Бога запрещали верить»* [14, с. 352], *«но люди в домах держали образа и тайком молились»* [Там же, с. 60].

Святитель Лука высказал претензии органам по поводу преследования религиозной девочки, которая в школу приходила с крестиком. Луке было объяснено, что школьница пропускает занятия по религиозным праздникам. Учительница в беседе с домашними девочки заявила им, «чтобы они

не мешали школе воспитывать ее и не забивали ей голову церковными молитвами и т. д.» [17, с. 257–258].

Княгиня Урусова, эмигрировав из СССР после Великой Отечественной войны, в своей книге вспоминала, что советские школьники увидели на ее внучке православный нательный крестик и стали над ней глумиться. Учителя настойчиво заставляли девочку снять крестик, но она сопротивлялась. Тогда Урусова зашила крестик в одежду, чтобы не было видно. Батюшка благословил ее на это действие [23, с. 340]. Будучи глубоко верующим человеком, княгиня в своей книге уделила много внимания вопросам веры при советской власти. Она писала, что людей воспитывали в жестком атеизме, популярен был лозунг «Религия – опиум для народа». За религию было уголовное наказание. Например, по ее словам, за венчание в церкви людей расстреливали [Там же, с. 276]. Урусова писала, что в дома являлось ГПУ с проверкой, не висят ли иконы. Тех, кто не подчинился приказу снимать иконы, арестовывали на 5 лет, потом на 10 лет, и они пропадали без вести [Там же, с. 253]. В лагерях и тюрьмах верующие люди подвергались особым унижениям и издевательствам со стороны начальства [Там же, с. 302]. Страх перед уголовным наказанием за религию был настолько сильным, что и после прекращения открытых гонений в 1960-е гг. люди продолжали бояться, что отразилось даже в советской литературе. Так, например, героиня рассказа В. Шукшина, старушка, в 1970-е гг. прячет иконы в шкаф перед приходом любых гостей, даже родственников [26, с. 205].

В довоенные годы люди почти перестали крестить своих детей из-за страха быть арестованными или по причине новых убеждений. Органами предписывалось, чтобы крещение детей происходило с согласия родителей. По мнению архиепископа Луки, возникла сложность в том, что письменного согласия никто не даст из-за боязни репрессий, а устному органы не поверят. Он как архиепископ предписывал священникам выполнять свои обязанности, несмотря на запрет власти. Лука говорил, что священники должны ходить по селам для крещения и совершения треб, так как не все люди из дальних деревень могут приходить в церковь [17, с. 261]. Власть ставила своей задачей свести до минимума или вообще ликвидировать крещение, используя в антирелигиозной пропаганде беседы, доклады, лекции, печать, радио, индивидуальную работу [Там же, с. 294].

Замечая религиозные обряды, власть устраивала альтернативный крещению обряд октябрения. Дети становились октябрятами² в честь Октябрьской революции и получали имена: Ленина, Сталина, Нинель (Ленин наоборот), Майя (в честь 1 Мая). Октябрята потом становились пионерами и с 16-летнего возраста – комсомольцами [23, с. 228]. Комсомольцы были активно задействованы в антирелигиозной работе. Например, на

² Не путать с октябрятами в среднеобразовательной школе.

Пасху они мешали своим хохотом, ревом, кощунствами вести службу. После службы комсомольцы отбирали у верующих узелочки с освященной едой, бросали их и втоптывали в грязь. По словам Урусовой, так было по всей стране [Там же, с. 198].

Молодежь под влиянием атеистического воспитания отошла от православия, не соблюдала религиозных таинств. В конце 1920-х гг. дети православных родителей не хотели даже венчаться, а если и соглашались на уговоры родителей, то делалось это тайно от всех и с откровенным пренебрежением к таинству венчания [Там же, с. 276]. Можно предположить, что у советской молодежи формировалось отношение к верующим родителям как к чужеродному элементу, так как они делают нечто порицаемое любимой народной советской властью.

Власти запрещали хоронить со священником, отпевать, насильно заставляли хоронить с советской музыкой [Там же, с. 252]. Были запрещены крестные ходы, которые ранее проводились во время праздников и в случаях разной хозяйственной необходимости (засуха, чрезмерные дожди, вредители на полях и т. п.). Даже во времена крепостного права крестьяне не спрашивали разрешения у помещиков на свершение религиозных обрядов.

Попытку крестьян провести крестный ход в советской деревне описал М. Шолохов в «Поднятой целине». Крестьяне пришли в колхозное правление с просьбой разрешить крестный ход с молебном о дожде. Нагульников на это им ответил, что они ветхие люди, что им бы всё престольные праздники праздновать да по полям хлеба вытаптывать с иконами. Пригрозил, что если они привезут попа, он его острижет и опозорит, а тех, кто пойдет крестным ходом, разгонит водой из пожарной машины [25, с. 279]. Шолохов ярко показал, насколько были широки полномочия советского начальства в борьбе с религией.

Очевидно, что для носителей религиозной культуры борьба с религиозными устоями проходила болезненно. П.А. Лавров писал, что если человеку приходится отказываться от части своих верований, то это становится для него не только заменой одного догмата другим, но является переломом в его внутреннем мире, нравственным потрясением. Он считал, что это потрясение легче переживают люди с живым воображением, которые спешат заменить одно верование другим и создают новые комбинации в то самое время, как разрушаются старые. Для большинства же людей потрясение мира их верований есть самый болезненный духовный процесс [11].

О значимости религии в жизни человека писал видный мыслитель XX в. Э. Фромм. Он считал, что каждый ребенок нуждается в защите. Эту защиту может дать ему мать. Но и взрослые нуждаются в защите. Они порой даже более уязвимы, чем дети, так как осознают опасность жизни.

Поэтому, когда ребенок вырастает, мать как личность заменяют социальные группы. Человеку со временем становится необходим образ матери бессмертной, поэтому материнские функции переносятся на религию, нацию, расу и т. д. Никому не будет стыдно почитать свою бессмертную мать, как это принято в его социальной группе [24, с. 70–71].

Советская власть пыталась создать иллюзию, что только она является опорой и защитой человека. Человек, являясь членом советского коллектива – пионерии, комсомола, партии, профсоюза, рабочего коллектива и т. п. – может и должен рассчитывать только на его поддержку и защиту. Осознание традиционной религиозной, национальной, культурной идентификации мешало формированию представления защищенности только советским коллективом.

Слова этнографа А.В. Терещенко во многом объясняют политику власти относительно религии: «С Православием тесно связано Отечество. Кто нападает на его веру, тот нападает на его родину, потому прежде надобно истребить веру, чтобы завладеть народом!» [20, с. 23]. Формирование интернациональной культуры, что являлось целью культурной революции, невозможно при наличии традиционных религиозных верований.

По мнению современного исследователя В.С. Барулина, вера имеет свои социально-психологические законы существования, развития, функционирования. Он считает, что, вера, как правило, связана с глубинными духовными основами человека, отличается повышенной устойчивостью [4, с. 208]. Поэтому следует отметить успешность и грамотность советской власти в борьбе с религиозными устоями, когда у верующих родителей зачастую дети были уже атеистами.

Атеистическое воспитание было во всех детских и юношеских учреждениях (детский сад, школа, техникум, вуз и т. п.) и организациях – от октябрёнка до комсомола. Для успешной карьеры необходимо было быть членом партии, вступить в которую молодые люди могли только после комсомола. Стать членом партии верующему человеку было невозможно. Н. Бухарин писал: «... верующий коммунист перестает быть коммунистом» [5, с. 185]. Эти слова еще раз подчеркивают противоречия коммунизма и религии.

Н.К. Крупская говорила на XIII съезде партии, что школы надо сделать чисто коммунистическими и обучение чисто «марксистским», подразумевая запрет религиозного воспитания [22]. Н. Бухарин предписывал, что учителям надо развернуть «систематическую антирелигиозную пропаганду» и стать послушным «орудием» коммунизма, а неподходящие и неспособные «будут беспощадно изгоняться» [5, с. 28].

Мероприятия советской власти по атеистическому воспитанию привели к тому, что религиозные ценности в целом ушли из жизни общества.

Большинство респондентов признало, что они воспитаны в атеизме и далеки от религии: «А нас, молодых, власть безбожниками сделала» [14, с. 209], «я вот сегодня не знаю, верующая я или нет» [Гам же, с. 352]. Эта ситуация отражена и в советских произведениях. Так, например, молодая героиня произведения Абрамова не имеет своего мнения по поводу икон. Она не может понять, почему в школе им с первого класса говорили, что религия – мрак и опиум, а в городском музее экскурсовод рассказывал о бесценности икон и об особом температурном режиме их хранения [1, с. 124]. Частушка конца 1920-х гг. «Как у нашего царя новые законы – начинают пропивать старые иконы» [2, с. 694] ярко и образно зафиксировала политику партии, поэтому молодому советскому человеку трудно было разобраться в возникших противоречиях. Понятно, что если для досоветской молодежи иконы – святыни, то для их внуков, советских молодых людей, прошедших школьное атеистическое воспитание, в лучшем случае – музейная ценность.

Семья не могла полноценно передать религиозные традиции, во-первых, из-за боязни репрессий; во-вторых, из-за отсутствия массовых религиозных празднеств; в-третьих, из-за культивируемого властью отношения к старшим как к отсталому прошлому, которое отразилось и в советской литературе. Так, например, Разметов в «Поднятой целине» говорит: «...сознали, что религия опиум... Они (*старые люди*. – Н.А.) все вредного духа, захрясли в дурмане. Значит, с ними нечего и речей терять, а надо так: раз-два – и в дамки!» [25, с. 280].

Таким образом, можно утверждать, что в XX в. в России произошла трансформация религиозных ценностей. Сама религия как ценность для большинства граждан утратила свое значение. Культурная революция, атеистическое воспитание молодого поколения, формирование негативного отношения к старшему поколению как архаическому и темному, система запретов народных и религиозных праздников, проявление религиозных чувств и репрессии явились основными причинами ухода советского общества от православия. По словам респондентов, религия из жизни общества стала исчезать уже в довоенные годы, а для послевоенной молодежи она уже была чуждым элементом в жизни. Поскольку религия является основанием морально-нравственных устоев, ментальных и ценностных установок, то произошли трансформации и в этой сфере. Слова А.В. Терещенко, сказанные еще в XIX в. о том, что русский предпочтет умереть, нежели захочет видеть православие униженным, что «...допустить надругательство над его храмами и алтарями – это невозможно!..» [20, с. 23], подчеркивают масштаб и грандиозность проделанной советской властью работы по искоренению религии. Возможно, причины и масштабы современной преступности в российском обществе следует искать в отсутствии

нравственного начала, самоограничения у значительной части его членов. Обществу не хватает тех морально-нравственных качеств, которые воспитывала религиозная культура, так успешно замененная в XX в. новой культурой, интернациональной по форме и социалистической и атеистической по содержанию.

Литература

1. *Абрамов Ф.* Алька // Абрамов Ф. Повести. – Л.: Советский писатель, 1989. – 336 с.
2. *Астафьев В.* Последний поклон: повести и рассказы. – Екатеринбург: У-Фактория, 2003. – 702 с.
3. *Бакунин М.А.* Наука и народ // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. – М.: Правда, 1989. – С. 125–143.
4. *Бафулин В.С.* Социально-философская антропология. – М.: Онега, 1994. – 253 с.
5. *Бухарин Н., Преображенский Е.* Азбука коммунизма. – М.: Терра, 1994. – 213 с.
6. *Горянин А.* Мифы о России и дух нации. – М.: Pentagraphic, 2002. – 335 с.
7. *Зленко А., Лопатин Л.Н., Лопатина Н.А.* Старец земли Кузнецкой. – Кемерово: КемГУКИ, 2012. – 319 с.
8. *Ильин И.А.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2, кн. 2. Наши задачи: статьи 1948–54 гг. – М.: Русская книга, 1993. – 479 с.
9. *Ильин И.А.* О русской культуре // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Русская книга, 1996. – Т. 6, кн. 2. – С. 368–669.
10. *Иностранцы в древней Москве: Москва XV–XVII веков / сост. М.М. Сухман.* – М.: Столица, 1991. – 426 с.
11. *Лавров П.А.* О религии. – М.: Мысль, 1989. – 461 с.
12. *Лисичкин В.А.* Лука, врач возлюбленный: жизнеописание святителя Луки и хирурга Луки (Войно-Ясенецкого). – Изд. 2-е. – М.: Изд-во Московской патриархии Русской православной церкви, 2013. – 454 с.
13. *Лопатин Л.Н., Лопатина Н.А.* Антилиберализм и либерализм в Кузбассе. – М.: Новый фактор, 2003. – 103 с.
14. *Лопатин Л.Н., Лопатина Н.А.* Коллективизация и раскулачивание: (очевидцы и документы свидетельствуют). – Кемерово: Аксиома, 2009. – 446 с.
15. *Лопатина Н.А.* Коллективизация 30-х годов XX века и ее влияние на изменение социокультурного облика российской деревни (по воспоминаниям очевидцев). – Кемерово: КузГТУ, 2005. – 137 с.
16. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: в 9 т. – М.: Политиздат, 1984. – Т. 1.
17. *Марущак В.* Святитель-хирург: житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). – Краматорск: Спасо-Преображенский Мгарский монастырь, 2006. – 415 с.
18. *Райх В.* Психология масс и фашизм. – СПб.: Университетская книга; М.: АСТ, 1997. – 377 с.

19. Славянорусский корнеслов: язык наш – древо жизни на земле и отец наречий иных. – СПб.: Фонд славянской письменности и культуры, 2009. – 415 с.
20. Терещенко А.В. История культуры русского народа. – М.: Эксмо, 2006. – 736 с.
21. Толстой А.Н. Собрание сочинений. В 22 т. Т. 22. Дневники, 1895–1910. – М.: Художественная литература, 1985. – 559 с.
22. Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1963.
23. Урусова Н.В. Материнский плач Святой Руси. – М.: Русский паломник, 2012. – 555 с.
24. Фрамм Э. Душа человека. – М.: Республика, 1992. – 430 с.
25. Шолохов М.А. Поднятая целина. – М.: Детская литература, 1982. – 638 с.
26. Шукшин В.М. Рассказы. – М.: Художественная литература, 1979. – 383 с.
27. Энгельгардт А.Н. Из деревни: 12 писем, 1872–1887. – М.: Мысль, 1987. – 634 с.

Статья поступила в редакцию 19.03.2018 г.

Статья прошла рецензирование 17.05.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.1-49-62

SOCIO-CULTURAL TRANSFORMATION OF RELIGIOUS VALUES IN THE SOVIET UNION IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

Lopatina Nataliya,

*Cand. of Sc. (Culturology), Associate Professor,
Associate Professor of the History Department,
Kemerovo State Medical University,
22 a, Voroshilova St., Kemerovo, 650029, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0485-1876
lopatinl@mail.ru*

Abstract

The article examines the role of religion in a traditional society and particularly in the Russian one. The author considers religion as the foundation of culture, which defines the ethical principles and values in the society. The author reveals the reason of anti-religious struggle in Soviet society as a goal of cultural revolution, which task was to form international culture and a new man with new values and atheistic world outlook. Using the evidence of eyewitnesses the author shows the main measures taken by the Soviet power to form an atheistic society. The article highlights antireligious work in the village because all layers of Soviet society (workers, the intellectuals, etc.) descend from peasantry. The study provides testimonies of antireligious struggle during collectivization. Basing on these judgments, the author comes to the conclusion that the Soviet power managed to achieve the goal of cultural revolution. One or two generations were necessary to transform the society into the atheistic one. Even traditionally religious peasant society was subjected to deep socio-cultural transformations. The reasons for it were the following: policy of repressions, atheistic upbringing of the younger generation, and the formation of negative attitudes towards the older generation as archaic and retrograde. Atheism influenced the transformation of mental reasoning and values in Soviet society.

Keywords: cultural revolution, religion, atheism, values, mental reasoning, repressions, fear.

Bibliographic description for citation:

Lopatina N. Socio-cultural transformation of religious values in the Soviet Union in the first half of the XX century. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 4, vol. 1, pp. 49–62. doi: 10.17212/2075-0862-2018-4.1-49-62.

References

1. Abramov F. Al'ka [Alka]. Abramov F. *Povesti* [Leads]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1989. 336 p.
2. Astaf'ev V. *Poslednii poklon* [Last bow]. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2003. 702 p.

3. Bakunin M.A. Nauka i narod [Science and people]. Bakunin M.A. *Filosofiya. Sotsiologiya. Politika* [Philosophy. Sociology. Policy]. Moscow, Pravda Publ., 1989, pp. 125–143.
4. Barulin V.S. *Sotsial'no-filosofskaya antropologiya* [Socio-philosophical anthropology]. Moscow, Onega Publ., 1994. 253 p.
5. Bukharin N., Preobrazhenskii E. *Azbuka kommunizma* [The ABC of communism]. Moscow, Terra Publ., 1994. 213 p.
6. Goryanin A. *Mify o Rossii i dukh natsii* [Myths about Russia and the spirit of the nation]. Moscow, Pentagraphic Publ., 2002. 335 p.
7. Zlenko A., Lopatin L.N., Lopatina N.L. *Starets zemli Kuznetskoi* [Religious man of Kuznetsk land]. Kemerovo, KemGUKI Publ., 2012. 319 p.
8. Il'in I.A. *Sobranie sochinenii*. V 10 t. T. 2, kn. 2. *Nashi zadachi: stat'i 1948–54 gg.* [Collected works. In 10 vol. Vol. 2, bk. 2. Our tasks. The articles 1948–1954]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1993. 479 p.
9. Il'in I.A. O russkoi kul'ture [About Russian culture]. Il'in I.A. *Sobranie sochinenii*. V 10 t. [Collected works. In 10 vol.]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1996, vol. 6, bk. 2, pp. 368–669.
10. Sukhman M.M., comp. *Inostrantsy v drevnei Moskve: Moskva XV–XVII vekov* [Foreigners about ancient Moscow. Moscow XV–XVII centuries]. Moscow, Stolitsa Publ., 1991. 426 p.
11. Lavrov P.L. *O religii* [About religion]. Moscow, Mysl' Publ., 1989. 461 p.
12. Lisichkin V.A. *Luka, vrach vozlyublennyi: zhizneopisanie svyatitelya Luki i khirurga Luki (Voino-Yasenetskogo)* [Luke, the beloved physician. Biography of St. Luke and surgeon Luke (Voyno-Yasenetsky)]. Moscow, Moskovskaya Patriarkhiya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi Publ., 2013. 454 p.
13. Lopatin L.N., Lopatina N.L. *Antiliberalizm i liberalizm v Kuzbasse* [Anti-liberalism and liberalism in Kuzbass]. Moscow, Novyi faktor Publ., 2003. 103 p.
14. *Kollektivizatsiya i raskulachivanie: (ochevidtsy i dokumenty svidetel'stvyut)* [Collectivization and Raskulachivany (witnesses and documents testify)]. Kemerovo, Aksioma Publ., 2009. 446 p.
15. Lopatina N.L. *Kollektivizatsiya 30-kh godov KbKb veka i ee vliyanie na izmenenie sotsiokul'turnogo oblika rossijskoi derevni (po vospominaniyam ochevidtsev)* [Collectivization of the 30s of the XX century and its influence on changing the socio-cultural image of the Russian village (according to eyewitnesses)]. Kemerovo, KuzGTU Publ., 2005. 137 p.
16. Marks K. K kritike gegelevskoi filosofii prava [To criticism of Hegel's philosophy of law]. Marks K., Engels F. *Izbrannye sochineniya*. V 9 t. [Selected works. In 9 vol.]. Moscow, Politizdat Publ., 1984, vol. 1. (In Russian).
17. Marushchak V. *Svyatitel'-khirurg: zhitie arkhiepiskopa Luki (Voino-Yasenetskogo)* [Holy Hierarch and surgeon. Life of Archbishop Luke (Voino-Yasenetsky)]. Kramatorsk, Saviour-Transfiguration Mhar Monastery Publ., 2006. 415 p.
18. Reich W. *Psikhologiya mass i fashizm* [Mass psychology and fascism]. St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., Moscow, AST Publ., 1997. 377 p. (In Russian).

19. *Slavyanorusskii korneslov: yazyk nash – drevo zbizni na zemle i otets narechii inykh* [Slavonorussky Korneslov. Our language is the tree of life on earth and the father of other tongues]. St. Petersburg, Fond slavyanskoi pis'mennosti i kul'tury Publ., 2009. 415 p.
20. Tereshchenko A.V. *Istoriya kul'tury russkogo naroda* [History of culture of the Russian people]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 736 p.
21. Tolstoi L.N. *Sobranie sochinenii. V 22 t. T. 22. Dnevniki, 1895–1910* [Collected works. In 22 vol. Vol. 22. Diaries, 1895–1910]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1985. 559 p.
22. *Trinadtsatyi s'ezd RKP(b). Mai 1924 goda. Stenograficheski otchet* [Thirteenth Congress of the RCP(b). May 1924. Verbatim record]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963. (In Russian).
23. Urusova N.V. *Materinskii plach Svyatoi Rusi* [Mother's cry of Holy Russia]. Moscow, Russkii palomnik Publ., 2012. 555 p.
24. Fromm E. *Dusha cheloveka* [Soul of man]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 430 p. (In Russian).
25. Sholokhov M.A. *Podnyataya tselina* [Virgin soil upturned]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1982. 638 p.
26. Shukshin V.M. *Rasskazy* [Tales]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1979. 383 p.
27. Engel'gardt A.N. *Iz derevni: 12 pisem, 1872–1887* [From a village. 12 letters, 1872–1887]. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 634 p.

The article was received on 19.03.2018.

The article was reviewed on 17.05.2018.